

Проблема и три значения социальной справедливости

Розин В.М.

Аннотация: В статье анализируется понятие социальной справедливости. Сначала рассматривается история этого понятия в контексте становления и развития права. Право на всех этапах своего развития понималось двояко: как форма социальной справедливости и как следование законам и обеспечение хозяйственной деятельности. В конце XX столетия появляется третья трактовка: право все больше понимается как способ «конституирования» социальной жизни, что ведет к различным проблемам. Во второй части статьи анализируется становление новой социальности и две разных концепции социальной справедливости: марксистская и конформистская. На основе этого анализа автор приходит к выводу, что не имеет смысла заикливаться на проблеме социальной справедливости. Более важно понять, как устроена социальность, каковы характерные для неё тренды развития, можно ли прогнозировать последствия, проистекающие из становления и функционирования новой социальности.

Ключевые слова: справедливость, право, развитие, деятельность, социальность, становление, функционирование.

1. Эволюция понятия справедливость в истории права

Бог, как известно, любит троицу. Вот и понятие «социальная справедливость» имеет три основных значения, которые сегодня не различаются и поэтому постоянно склеиваются. Первое значение – *справедливость как ценность индивида*. Поскольку, однако, почти у каждого из нас свои ценности, то это значение справедливости соответственно у каждого свое. Коммунисты под справедливостью понимают одно, либералы другое, правозащитники третье, консерваторы четвертое, националисты – пятое и т.д.; да и внутри каждой из указанной категории понимание социальной справедливости может различаться, поскольку и коммунисты (либералы, правозащитники и т.д.) могут иметь разные ценности.

Второе значение социальной справедливости – *общее для определенного времени и социальной системы*. Оно может существенно расходиться с пониманием справедливости отдельным человеком. Например, исповедуемое партией большевиков понятие социалистической социальной справедливости в 20-30-х годах кардинально расходилось с понимаем её миллионами крестьян, интеллигенции, верующих (не говоря уже об остатках буржуазии).

Третье значение социальной справедливости *устанавливается в результате взаимодействия двух предыдущих*, например, если некто осознает, что его ценности расходятся с общепринятыми и старается выработать такой, по сути, компромиссный взгляд на социальную справедливость, который бы обеспечил ему нормальную жизнь.

Указанное здесь различие является предварительным, так сказать, рабочим, предназначенным задействовать интуицию читателя. Попробуем теперь обсудить это понятие более систематически. Начнем с права, где понятие справедливости впервые было осознано и обсуждалось Платоном и Аристотелем.

Известно, что право формируется в античной культуре (древняя Греция, Рим), когда складывается судопроизводство и решение вопроса о санкциях опосредуется, с одной стороны, заслушиванием сторон и свидетелей, с другой – изучением обстоятельств дела. Излагая и уясняя обстоятельства дела, стороны, свидетели и судьи строили рассуждения на идеальных объектах, причем отсутствие правил, регулирующих эти рассуждения, а также определенного видения действительности приводили к судебным ошибкам и несправедливости.

Обращение к рассуждениям было вызвано тем, что именно в этот период складывается мышление, поэтому рассуждения постепенно становятся нормой. Определенное значение сыграла также эффективность споров и доказательств, опирающихся на рассуждения: хорошо владеющие рассуждениями софисты за деньги предлагали свои услуги клиентам в суде, готовы были доказать что угодно: и за и против, и нечто одно и прямо противоположное. В результате стороны в суде обвиняли друг друга в искажении положения дел, в том, что противоположная сторона лжет, а судья поступает (решает дело) несправедливо (см. например, «Апологию Сократа», где великий мыслитель античности начинает свою речь против обвинителей, утверждая, что последние лгут, а от Сократа суд услышит только правду).

Ценились те судьи, которые слыли справедливыми. «Потому-то, – пишет Аристотель, – люди, когда спорят о чем-либо, прибегают к судье, идти в суд значит обратиться к справедливости, ибо судья желает быть как бы олицетворенною справедливостью; к тому же люди ищут беспристрастного судью, и кое где судей называют “посредниками”, чтоб этим обозначить, что люди, достигнув справедливого решения, станут держаться середины» [1].

Здесь важно обратить внимание на два обстоятельства: ведя рассуждение, можно было доказать все, что было угодно заинтересованной стороне (например, как Зенон, что движение не существует), и второе – способ разрешить эту проблему видели в обращении к посреднику, который, не будучи заинтересованным в том или ином разрешении дела, одновременно был бы и справедливым. То есть выход искали в этической плоскости (говоря в данном случае об этике, я не имею в виду современное ее понимание, то что мы

сегодня переводим словом этика для античного сознания означало область рассуждений о благе, наслаждении, блаженстве, справедливости и т.д.). Именно поэтому Аристотель, во-первых, пытается нормировать область рассуждений, чтобы стало невозможным доказывать что угодно против существа дела и реальных обстоятельств, во-вторых, обсуждает понятие справедливость, как задающее тот род бытия (то «начало»), которое характеризует мышление в области рассуждений в суде. При этом центральным понятием, которое им обсуждалось, являлось понятие справедливости, поскольку считалось, что, только будучи справедливым, судья («посредник» в споре) принимает правильное решение.

Что же Аристотель понимает, говоря о справедливости? С одной стороны, «следование закону», с другой – «середины ущерба и выгоды». «Несправедливым, – пишет Аристотель, – называют, как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, и человека не равно относящегося к другим людям<...> Если человек, преступающий законы, несправедлив, а держащийся законов – справедлив, то ясно, что все, установленное законом, в известном смысле справедливо» [2]. Тем не менее, Аристотель бьется над вопросом, как определить, что такое справедливое действие (решение) независимо от его законности.

Дело в том, что в древней Греции законов было относительно мало, они были несовершенны, следовали им не всегда, поэтому Аристотель старался решить вопрос, прежде всего в плоскости мышления, создавая для него особую норму – этическую. Определив справедливое как «середины ущерба и выгоды, ограничивающую произвол», как «равное отношение» в суде, Аристотель вроде бы решил задачу, причем в этическом плане. Во всяком случае, он и его последователи так думали. Однако, что такое ущерб или выгода и как провести середину между ними? Разве эти представления сами не допускают разные толкования?

Поскольку для Аристотеля общественное благо стояло выше личного («желанно, – пишет он, – разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественнее благо народа и государства» [3]), справедливость нагружается Стагиритом характеристиками, работающими главным образом на социальное целое (следование законам, равное отношение в суде, позволяющее минимизировать социальные конфликты). На заднем же плане, как подчиненные, стоят собственные ценности Аристотеля – идея меры, компромисса («середины ущерба и выгоды»), согласия.

Следующий шаг и логически и исторически делают римляне. Именно в Риме складывается идея права: под ней понимается гарантированная для человека властью и законом справедливость. Идея римского права перемещает акценты: с этических поисков в плоскость управления и организации (справедливость – прерогатива власти), от тонких, но достаточно неопределенных рассуждений в области этики к более грубым, но точно

измеренным и гарантированным действиям властных субъектов и подчиненных им судов.

Действительно, столкнувшись, очевидно, с несправедливыми решениями судей, которые действовали по Аристотелю, римские граждане – люди свободные и не чуждые власти и в тоже время заинтересованные в поддержке общины (римского народа), начали через голову суда обращаться прямо к властям (преторам). Несправедливыми решения судов были и потому, что действовавшие в тот период законы (Законы двенадцати таблиц, а позже и Законы народного собрания) не покрывали значительную область спорных конфликтных ситуаций, которая к тому же постоянно расширялась по мере развития Республики и далее Империи. В этой ситуации власть идет, так сказать, навстречу запросам населения. С одной стороны, она старается упорядочить саму процедуру судопроизводства, введя в нее чиновников, вносящих в протоколы заявления сторон о сущности разбираемого конфликта, иногда чиновники выясняли и ряд обстоятельств дела, на которые ссылались стороны, кроме того, регламентируется на основе правил процедура ведения судебного разбирательства. С другой стороны, преторы создают для судей собственные описания конфликтных ситуаций (формулы), включающие и возможные в этих случаях санкции.

Встав над судом, администратор (претор в римском обществе, канцлер позднее в Англии) действовал привычным для себя образом. Во-первых, он старался организовать процесс судопроизводства, то есть установить правила, регламентирующие поведение всех участников судопроизводства в каждом отдельном с точки зрения администратора случае. Во-вторых, претор стремился продемонстрировать справедливость, опять же в административном смысле, то есть определить одинаковые условия для определенных групп населения и для сходных ситуаций. Понятно, что подобный административный уклон в развитии права обусловил как создание большого числа формул и процессов, так и развитие практики, основанной на правиле прецедента.

Самый интересный вопрос, каким образом римские власти устанавливали меру и характер справедливости, то есть, как они справились с той задачей, которую не смог решить великий Аристотель? Анализ важнейших институтов римского права подсказывает гипотезу о том, что такая мера и характер задавались идеей власти: то есть именно властным субъектам в первую очередь гарантировалась справедливость, а мера справедливости задавалась подтверждением опять же властями тех или иных властных отношений. Например, обладая абсолютной властью в семье отец семейства получает по римским законам соответствующие права (*sui iuris* – самостоятельного отца семейства); в соответствии с этим правом отец обладал большой властью над своей женой и особенно детьми (последних он мог продать даже в рабство). Поскольку рабы не имели никакой

власти, то они в римском обществе и не обладали правами; раб – это категория наиболее необходимых в хозяйстве вещей.

Здесь может возникнуть законный вопрос: а как ранжировалась, измерялась сама власть? Это легко понять анализируя реформу римского царя Сервия Тулия, относящуюся VI в. до н. э. Как известно, он вместо прежнего деления по родам он ввел новое – по *имущественно-территориальному* принципу, причем вся сила общины при голосовании и решениях была сосредоточена в руках первого класса, то есть самых богатых (с имущественным цензом в 100 тысяч медных ассов, или, в переводе на земельный ценз, с полным земельным наделом) [4]. То есть в качестве меры властных отношений, правда, не во всех случаях, при формировании права стали рассматривать частную собственность. Это понятно и в другом отношении: именно по поводу собственности разворачивалась основная масса конфликтов. О том же пишет и Луман: «В действительности, единственным в истории права значительным делегализатором, обремененным минимальным набором правил и обладающим максимальными возможностями и влиянием, был и остается институт частной собственности благодаря своей простой и очевидной способности обуславливать конфликты. Учитывая изложенное, можно утверждать, что нынешние перенапряжения в юридической системе в значительной степени являются следствием вырождения собственности» [5].

Но вряд ли частная собственность была единственной мерой властных отношений. Имели значение, например, как показывает история Рима, и военные успехи полководцев и реальное влияние в обществе. Другое дело, что эти «меры» не могли конкурировать с институтом частной собственности в операциональном отношении (например, как, спрашивается, сравнить между собой степени реального влияния в обществе?).

Итак, справедливым становилось не столько то, что справедливо, исходя из этических соображений, сколько то, что гарантировано законом и властью, во-первых, в отношении властных отношений, во-вторых, отношений, производных от них (гражданские отношения, семейные, владения и т.д.). Другими словами, римское правовое понятие социальной справедливости уже никак не связано с ценностями отдельных индивидов, оно целиком определяется социальной нормой, которую установили римское общество.

Тем не менее, этические соображения и принципы все же рано или поздно учитываются при создании правовых норм: как правило, это происходит под давлением новых субъектов власти, которые начинают отвоевывать у традиционных субъектов правовую территорию. Например, в III в.н.э. в Риме было провозглашено равенство в правоспособности для всех граждан, а не только латинян, другой пример – институт

пекулий, наделявший определенными правами рабов. Именно в подобных случаях при создании новых законов и происходит апелляция к этическим принципам.

Теперь о средневековом понятии справедливости. Оно многое заимствует от античного понимания. И в средние века справедливым в юридическом смысле является то, что соответствует закону и закрепляет и оправдывает властные отношения в обществе, а также способствует развитию хозяйственной и культурной деятельности. Но в данном случае добавляется новый важный смысл – справедливы такие отношения, которые *примиряют сложившиеся социальные позиции, позволяют сосуществовать разным социальным субъектам* (церкви, светским властям, городам, отдельным сообществам и прочее). Право, подчеркивает Берман, возникло в ответ на «потребность примирить бушующие конфликты внутри церкви, между церковью и светской властью, между разными светскими политиями и внутри них», нужно было «осознать легитимность каждого из противоречащих друг другу элементов (церковного и светского, королевского и феодального, феодального и городского, городского и цехового) и в то же время осознать структурное единство всего общества (Европы, Запада, западного христианства), частью которого они являлись, и найти настоящий синтез» [6].

Однако в средние века постепенно формируется и принципиально новое понимание справедливости, основанное на христианском учении, причем это новое понимание, отчасти, входит в противоречие с первым. Дело в том, что в этот период существенно меняются представления о чистилище, покаянии и искуплении, которые начинают истолковываться в правовом ключе. Считалось, что до Страшного Суда христианская душа находится в чистилище, пока полностью не очистится страданием. Грехи человека в чистилище взвешиваются, а наказания назначаются соответственно тяжести каждого греха. Считается, что «церковь и конкретно папа имеют юрисдикцию над чистилищем. Папа распоряжается так называемой Сокровищницей Заслуг. Он может распределять заслуги в чистилище в соответствии с тем временем покаяния, которое бы понадобилось на земле для искупления грехов данного кающегося» [7].

В свою очередь, покаяние, которое раньше понималось, прежде всего как раскаяние верующего в содеянных грехах, предполагающее исповедь и отпущение грехов, стало пониматься как наказание за прежние греховные поступки, как отмщение, как страдание души. В трактате XI в., посвященном этой теме «Об истинном и ложном покаянии», читаем: «Собственно говоря, наказание (poena) является болью (laesio), которая наказывает и отмщает (poenitentia), всегда наказывая в человеке то, о совершении чего он сожалеет» [8].

Замыкают все эти новые христианско-правовые представления размышления св. Ансельма об искуплении. «Был получен ответ на вопрос: почему требуется либо возмещение, либо наказание и почему Бог в своей милосердии и в знак благодати не

может без всяких условий простить людям грехи? Вот какой ответ дала теория Ансельма. Если бы Бог поступил так, то остался бы неустранный беспорядок, внесенный грехом в устройство вселенной, а этот неустранный беспорядок был бы нарушением справедливости. Справедливый порядок вселенной, *iustitia* или праведность Бога, требует, чтобы цена была уплачена. Милосердие, говорит Ансельм, – это дочь справедливости; оно происходит от справедливости и не может действовать против нее <...> Если божественно справедливо человеку платить за свои грехи, то несправедливо было бы, а значит, невозможно Богу отказаться от платы. Теология Ансельма в “*Cur Deus Homo*” – это теология права» [9].

Вот это новое понимание справедливости – справедливость требует, чтобы за каждый грех (преступление) было заплачено отпущением и страданием, которые было бы адекватны греховному поступку и нарушенному закону – не только не были соотнесены с первым пониманием справедливости (отвечать закону, закреплять властные отношения, способствовать развитию хозяйственной практики, примирять разные политии и социальных субъектов), но и содержали в себе мину замедленного действия, которая сработала значительно позднее, в новейшее время. Действительно, для Ансельма проблема правильного измерения отпущения и страдания хотя и с трудом, но все решалась: Бог не мог ошибиться в мере наказания (другое дело, что реально назначал наказание законодатель и судья).

Но в новое время, когда законодатель уже не мог апеллировать к Творцу, его решения стали выглядеть, по меньшей мере необоснованными, если не сказать, несправедливыми. Что, например, эквивалентно изнасилованию или клевете – такой-то срок тюремного заключения или смерть, или денежная плата? Или другой, не менее трудный вопрос – как измерить боль, страдание человека, сколько человеку нужно страдать, чтобы это было эквивалентно его правонарушению?

В Новое время одной из предпосылок формирования права выступила борьба общества против абсолютных монархий, которая привела к становлению государства нового времени. Уже Шарль Монтескье в «Персидских письмах» уподобляет французскую абсолютную монархию азиатскому деспотизму, но критика европейских монархий была в XVII веке почти общим местом. Европейское общество и стоящая за ним новоевропейская личность в целом по логике повторили античный ход, состоящий сначала в проектировании государства, работающего на общество и человека, а затем и реализации такого проекта. Но конечно, содержание проекта было другим. В соответствии с новым мироощущением монархической власти и ее все более профессионализирующемуся аппарату управления была противопоставлена не менее внушительная сила – **народ и человек**, действующие исходя из **естественных природных законов** и к тому же действующие **в своем праве** (идея общественного

договора). Разрабатывая концепции естественного права и разделения властей, Монтескье, Гоббс, Локк и разделяющие их взгляды правоведы проектируют новый тип государства, призванного стоять на страже не только порядка, но и общества и человека.

Действительно, все они настаивают, что государственная власть подпадает под закон (суверен, пишет Гоббс в «Левиафане», «подчинен действию закона так же, как последний из его подданных»; народ, еще более решительно говорит Локк, остается безусловным сувереном, имея право не поддерживать и даже ниспровергать безответственное правительство); что все люди равны и свободны, что государство через систему судопроизводства должно обеспечить права человека на жизнь, свободу слова и веры, на собственность; что разделение властей, обеспечивающее систему «сдержек и противовесов», необходимо для предотвращения такого развития государственной власти, когда последняя работает только на себя, а не на общество и человека. Обращение к праву здесь было вполне естественным, ведь ***именно в праве общество могло провести свой новый идеал справедливости и утвердить необходимость для власти получить санкцию на управление со стороны общества.***

Практическая реализация в XVIII-XIX вв. этих концепций приводит не только к построению правового государства, отличительными признаками которого являются: верховенство закона, реальность прав и свобод индивида, организация и функционирование суверенной судебной власти на основе принципа разделения властей, правовая форма взаимоотношений личности и общества [10], но и к формированию политико-правового пространства и гражданского общества. И вот почему. Постепенно выяснилось, что общество может реализовать свои планы, лишь *создав институты (силы), соразмерные государству с его аппаратом.* Такими институтами и выступили политическая система и гражданское общество, складывающиеся в этот период.

Для темы понимания справедливости необходимо отметить две взаимосвязанные линии эволюции права в XX столетии: расширение видов и типов прав и реализация в правовой сфере социальных идеалов. Действительно, если XVII веке речь шла только о небольшой группе личных прав, то сегодня государство берется гарантировать самые разные права:

- *Права на независимость от власти* (свобода веры, свобода вероисповедания и свобода совести, право на личную свободу, право на приобретение и неприкосновенность частной собственности, свобода передвижения по территории государства, тайна и неприкосновенность переписки, свобода слова и свобода мысли и объединения, право на неприкосновенность жилища, свобода выбора профессии и т. д.

- *Права на участие во власти* (активное и пассивное избирательное право, право участвовать в управлении государством, право лично обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления и т. п.

- *Экономические, социальные и культурные права*. Предложив эту третью группу прав, замечает А.Матюхин, «обновленная теория естественного права не только сумела дать идеально-ценностное оправдание правам и свободам классического либерализма (им соответствуют две первые группы прав, но и ответить на “советский” вызов, связанный с **правами “второго поколения”**» [11]. Права второго поколения – это права различных сообществ и популяций, например, малоимущих, сексуальных меньшинств, аборигенных народов и т. п.

«Права человека, – пишет Е.А.Лукашева, – это явление, имеющее не только юридические, но и нравственные, и социокультурные характеристики. Обеспечение прав человека зависит не только от четко отлаженных государственных механизмов и процедур их защиты, но и от факторов нравственных, культурных». «В нынешних условиях чрезвычайно важно защитить права особо уязвимых групп населения – вынужденных переселенцев и беженцев, военнослужащих, детей, женщин, инвалидов, пенсионеров, лиц, лишенных свободы и др. Правовое государство – высокий титул, который не может быть у государства, не способного обеспечить достойную жизнь своим гражданам. Вот почему современное мировое развитие показывает, что правовое государство должно быть социальным. Только такое единство свойств государства способно обеспечить все права человека – и политические, и экономические, и социальные, и культурные. Для России – это большая цель, пока еще весьма отдаленная» [12].

Как мы видим, здесь *на передний край выдвигаются уже либеральные ценности и ценности отдельных индивидов*. В тоже время нетрудно заметить, что расширение видов и типов прав происходило по мере роста экономических возможностей государства, а также его политических амбиций. В свою очередь последние формировались под давлением политической системы и системы гражданского общества. Идеологи этих систем в течении обоих XIX-XX столетий настаивали на реализации в праве и в государственном устройстве новых принципов справедливости, позволяющих преодолеть социальное неравенство людей и обеспечить им достойный уровень жизни. На основе этих идей в XX столетии была сформулирована и реализована (например, в ФРГ) концепция «социального государства», в рамках которой декларируются следующие принципы: *условия жизни не унижающие человеческого достоинства; социальное равенство; оказание социальной помощи нуждающимся*.

Правда, указанные принципы социального государства предполагают вмешательство государства в рыночную стихию, а также сокращение бюджета граждан для обеспечения новых прав и прав «второго поколения». Основная же линия развития европейского права, начиная с XVII века, напротив, состояла в блокировании

возможности государства вмешиваться в дела общества и граждан. Социальное государство, пишет Матюхин, «помимо обеспечения прав, создания и применения законов, также имеет дело с *распределением всяческих льгот и компенсаций*, направленных на исправление различных перекосов и исторически сложившихся неравенств. Эти неравенства во многом являются результатом действия “правил игры” рыночной экономики: *в условиях “свободного рынка” и “честной конкуренции” формально-правовое равенство не только не означает равенства возможностей, но в некоторых случаях даже усиливает преимущества одних людей над другими*» [13]. Одновременно опыт практики тоталитарных социальных государств (СССР и Германии) показал, что реализация прав основной массы населения может входить в противоречие с самой природой права.

Матюхин показывает, что либерально-демократическая традиция обсуждения этих дилемм (Ролз, Сэндел, Дворкин, Тейлор, Нагель, Скэнлон, Макинтайр, Уолцел и др.) позволила выйти к следующему решению:

- «признавать и гарантировать каждому те индивидуальные права, по поводу которых имеется «всеохватывающий консенсус» в смысле Ролза, то есть те, которые признаются корпоративно и культурно независимыми «первичными благами»;

- законодательно обеспечить равные возможности превращения в субъект права (то есть институционализации и закрепления статуса юридического лица) для всех культурных сообществ, добровольных ассоциаций, политических объединений и иных видов множественности и популятивности субъектов гражданского общества;

- законодательно обеспечить формальное равенство упомянутых в предыдущем пункте институциональных субъектов права при продвижении ими собственных концепций Блага, поддерживая между ними «правила игры», которые автор (Матюхин. – *V.P.*) расценивает как справедливые для индивидов согласно принципам Ролза». По поводу этих принципов Матюхин пишет следующее.

«Поздний» Ролз рефлектирует свои собственные философские основания как *ненатуралистические*. Он видит эти основания и базис для «всеохватывающего консенсуса» в «иерархически высшей фундаментальной идее, с которой другие базовые интуитивные идеи систематически связаны: **общество является честной системой кооперации между свободными и равными людьми**. Справедливость как честность отталкивается от этой идеи как одной из базовых интуитивных идей, которые мы подразумеваем в публичной культуре демократического общества. С этой ненатуралистической точки зрения “граждане не видят публичный порядок как фиксированный естественный порядок”. Они **создают и воспроизводят** этот порядок социальной кооперации благодаря своим способностям (или моральным силам – *moral*

powers), которые скрыты в публичной культуре демократического общества и поддерживаются ею» [14].

Здесь «первичные блага», а также второй принцип предназначены обеспечить всем равные права и компенсировать неравенство, возникающее в рыночной экономике или по другим причинам; третий принцип вводится, чтобы предоставить равные права социальным субъектам, имеющим собственные представления о социальной справедливости; идеи «всеохватывающего консенсуса» и общества как «честной кооперации», члены которой обладают публичной демократической культурой, должны обеспечить нахождение согласованных и приемлемых социальных решений. Понятно, что для реализации перечисленных принципов, необходимо выполнить много разных условий, относящихся к обществу, государству и личности. Поскольку сделать это трудно, пока это только идеал.

Если внимательно присмотреться к пониманию права, как оно складывается к концу XX столетия, то нельзя не отметить двойственную его трактовку: с одной стороны, право по-прежнему рассматривается как юридическая норма и понятие справедливости, закрепляющие сложившиеся социальные и экономические отношения (властные, хозяйственные и т. д.), с другой – право все больше понимается как **способ «конституирования» социальной жизни**. Действительно, право позволяет реализовать такие идеалы общества как социальное равенство, свобода личности, достойный уровень жизни, и другие. Нетрудно заметить, что эти либеральные ценности за основу берут ценности новоевропейской личности, и наоборот. С точки же зрения понятия социальной справедливости мы здесь имеем третий случай – взаимодействие ценностей индивида и социума.

Способность права быть конституирующей системой становится особенно заметной во второй половине XX столетия по мере создания и реализации проектов социального государства или других сходных политических установок, например, на реализацию социально ориентированной государственной политики. В этих случаях право не только порождает новую социальную реальность, но и новые социальные конфликты. Получается, что современное право существует в пространстве двух измерений: одно можно назвать **«нормативно описательным»**, другое **«нормативно конституирующим»**. Если первое измерение обусловлено теми социальными структурами и процессами, которые *сложившись или складываются*, то второе – *социальными практиками и возможностями*. Включение в эти практики человека и другие общественные образования, реализация посредством таких практик соответствующих возможностей и позволяет вводить новые права. Однако их природа, особенно вначале, отличается от традиционных прав, ведь новые права еще не укоренены в социальной действительности.

Здесь читатель может возразить, сказав, что право всегда выполняло конститутивную роль. Согласен, любое позитивное право несет в себе конститутивную функцию, поскольку обеспечивает определенный правопорядок и санкции за нарушение прав. Новые практики складываются ведь не только в XX веке. Новые практики всегда востребовали правовое оформление и часто получали его. Больше того, **конституция** и есть тот правовой акт, который призван нечто **конституировать**, а конституция была уже в Древнем Риме.

Все это правильно, но я имею в виду другой момент. Одно дело, когда требование справедливости, реализуемое в праве, например, дать права в Риме негражданам, исходит из требований жизни и опирается на нее, ведь реально многие неграждане в римской империи давно действовали, как имеющие права, и нужно было только оформить в праве сложившуюся практику. Другое, когда требование справедливости выдвигается сначала в сфере идей, размышлений или теорий, например, предоставить права сексуальным меньшинствам или потенциальным самоубийцам, поскольку всякий человек свободен и имеет право на личную жизнь и смерть.

Конечно, опять можно возразить, сказав, что социальная жизнь начинается именно с идей и теорий. Начинается, возможно, с этого, но становится реальностью только тогда, когда *выясняются возможности эти идеи и теории практически реализовать, а также принять последствия принятых решений*. Сегодня мы *все чаще наблюдаем сочинение и законодательное принятие прав, для реализации которых у государства и общества нет возможностей, а следствия принятых решений или никто не анализировал или даже видно, что они негативные*. Вот этот случай автор и связывает конституированием с помощью права социальной жизни, но, вероятно, лучше его в отличие от обычного, обеспеченного средствами, правового конституирования назвать «необеспеченным» или «интенциональным». Как правило, интенциональное правовое конституирование создает в культуре различные дополнительные проблемы и напряжения.

2. Понимание социальной справедливости в политическом дискурсе

Можно выделить две противостоящие концепции социальной справедливости. Одну можно условно назвать *марксистской*, а другую – *конформистской*. Маркс, следуя за социалистами, утверждает в «Капитале», что в капиталистическом обществе царит социальная несправедливость, поскольку капиталисты крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. Хотя ради справедливости стоит отметить, что начало этого дискурса положил Платон. В «Законах» он с горечью замечает: «теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и

богатством. Богатство развратило душу человека роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства» [15].

Маркс тоже порицает огромное богатство одних и сопутствующее ему обнищание других. Источником и того и другого он, вслед за социалистами, считал капитализм, частную собственность и кражу части чужого труда, формально принадлежащего капиталисту, но по праву справедливости – только рабочему. Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала» приводит несколько фрагментов комментариев Маркса на сочинения его предшественников.

Комментируя социалистический памфлет 1821 года, Маркс делает следующее замечание: «Прибавочную стоимость или “прибыль”, как называет ее Рикардо (часто также – прибавочный продукт, *surplus produce*), или *interest*, как называет его автор памфлета, последний прямо определяет как *surplus labour*, прибавочный труд, **труд, исполняемый рабочим даром**, исполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы...» Или другой фрагмент:

«Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю его собственного труда<...> **Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?** <...> так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности – то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд<...> по отношению к величине удержанного продукта, называется ли это налогами, прибылью или **кражей**” [16] (выделение наше. – В.Р.).

Для Маркса довольно рано было очевидным, что интересы капиталиста и рабочего противоположны, что первый крадет у второго значительную часть его труда (отсюда как богатство одних, так и бедность других), что подобное положение дел обусловлено частной собственностью, что, наконец, разрешение всех проблем и восстановление попорченной справедливости предполагает отмену частной собственности со всеми вытекающими из этого последствиями. (Заметим, что Платон и Аристотель настаивали на сохранении и защите частной собственности). Очевидными эти положения были потому, что Маркс присоединялся к определенной политической и научной традиции, а не в силу его собственных исследований. Впрочем, как добросовестный ученый он в начале 40-х годов старается доказать все эти положения.

Говоря в «тезисах о Фейербахе», что философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, Маркс, отчасти, идет вслед и дальше за Платоном. Ведь последний тоже считал, что социальной

реальность нужно построить по образцу мира идей. Маркс уточняет: не мира идей, а следуя *историческим законам* («Я, – поясняет он в предисловии к первому тому «Капитала», – смотрю на развитие экономической общественной формации как на *естественноисторический процесс*» [17]. Заключает «Капитал» Марк как раз формулированием общего закона смены капиталистического производства и общества. «Теперь экспроприации, – пишет он, – подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой *имманентных законов* самого капиталистического производства, путем централизации капиталов <...> Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [18].

Итак, вроде бы все доказано: противоположность интересов капиталистов и рабочих, вина капиталистов, крадущих у рабочего значительную часть прибавочного труда, невозможность этой кражи, если бы не было частной собственности, наконец, неизбежная отмена частной собственности и восстановление социальной справедливости. Правда, последующая критика показала, что Маркс совершенно не учитывает вклад в производство самого производителя, ведь от его умения организовать производство, управлять им, выгодно продавать свою продукцию зависит буквально все. Не учитывает он и такой важный фактор как изменение социальных и производственных отношений, происходящие, в частности, и потому, что рабочий класс вел борьбу за свои права, что политэкономы, включая и самого Маркса, заслуги которого в этой области огромны, описали механизмы капиталистического производства, поэтому стало возможным управление экономикой. Не берет Маркс в расчет и капиталистическое общество, которое, естественно не без борьбы и колебаний, все же пошло на изменение своих взаимоотношений с работниками труда.

К тому же, что это за доказательство? Все положения, подлежащие доказательству, Марк принимал как очевидные задолго до своих политэкономических исследований. Но самое любопытное, что доказать в «Капитале» кражу капиталистом части прибавочного продукта ему так и не удалось. Действительно, анализируя механизм образования прибавочной стоимости и структуру рабочего дня, Маркс как честный ученый (здесь перед ним надо снять шляпу) вынужден был признать, что и капиталист прав и рабочий. Вот это замечательный фрагмент.

«Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно,

сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара (труда рабочего. – *В.Р.*) обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, **право противопоставляется праву**, причем они в *равной мере санкционируются законом товарооборота*. При столкновении двух равных прав решает сила» [19].

Последняя фраза знаменательна! С одной стороны, она есть констатация реального развития событий в период первоначального накопления и дальше (борьбы за пределы рабочего дня и приемлемые условия труда), с другой – известного убеждения Маркса, что борьба классов – движущая пружина социальной истории. Однако дальнейшая история капитализма показала, что хотя сила, действительно, важный фактор, наряду с ней есть и другие – общество, право, новые производственные и технологические возможности, позволяющие поднять уровень значительной части трудящихся, эволюция новоевропейской личности, пошедшей на компромисс и большую законность.

Когда жил Маркс, но созданный им политический дискурс жив и процветает. Вот известный журналист, писатель и комментатор «Эхо Москвы» Юлия Латынина, которую я, кстати, очень уважаю за политическую смелость, мышление и бескомпромиссность. В своих передачах на «Эхе» Латынина постоянно говорит о некомпетентности, корыстности и неэффективности нашей власти и управления. А одно из последних выступлений Латыниной, на мой взгляд, было прямо посвящено социальной несправедливости. Приведу его окончание.

«Посмотрите, что у нас получается? 5-6 миллионов человек с корочками или с погонами. Вместе с членами их семей это уже 10% избирателей, по сути говоря, это российский средний класс. Одновременно опорой власти являются широкие слои людей, лишенные под благовидным предлогом самостоятельных источников дохода, поставленные на государственное довольствие. 40 миллионов пенсионеров, 10 миллионов настоящих люмпенов, 2,5 миллиона врачей и учителей. То есть получается, что самостоятельных работников в России меньше половины избирателей, да и самостоятельные работники сильно зависят от государства. Потому что идеал государства таков: наверху госпаразит с корочкой, внизу госзависимый, и совсем внизу гастарбайтеры-рабы. Ну, и за кого они проголосуют? Другими словами, без радикального сокращения ментов и чиновников, без пересмотра их полномочий, без радикального пересмотра налоговых моделей, без перестройки образования, медицинского и

пенсионного обеспечения любой новый глава государства станет вторым Путиным» [20].

Слушатель «Эхо» спрашивает: «Как дать жителям понять, что так больше нельзя? Как заставить их выйти на Майдан и удержаться там, не прибегая к левым лозунгам?». Латынина соглашается, говоря, что это, собственно, одна из самых главных проблем. Думаю, эта позиция очень характерна для нашей оппозиции: её идеологи и сторонники считают, что «лодку надо раскачать изо всех сил», что надо заставить россиян выйти на улицу, хотя они того или нет. А почему собственно? Ведь сама Латынина показывает, что больше половины жителей страны крепко держатся за государство, зависят от него. Зачем же они будут раскачивать лодку, того и глядишь, она перевернется и пойдет ко дну?

Теперь второе. У Латыниной получается, что чуть ли не все работающее и не работающее население России госзависимо. Любопытная схема. С одной стороны, она создает у нас патологическую оптику, склоняя считать каждого человека социальным наркоманом, т.е. больным, неправильно живущим. Но может ли все население России жить неправильно? С другой стороны, намек, что госзависимость как болезнь поддается лечению, надо просто захотеть работать, а не жить за счет государства. Здесь правда, возникает вопрос, из какой такой медицинской (социальной) практики исходит Латынина? На что она указывает и кивает: историю, западный опыт, социальные идеалы? Но ведь все это можно понять и истолковать различно.

В рассуждениях Латыниной (не только в данном выступлении, а вообще) можно заметить две совершенно разных логики. Одна, почти марксистская, когда она говорит следующее: каждый отдельный человек может думать по-разному, но есть общие социальные и культурные закономерности, которым люди подчиняются, понимают они это или нет. И далее Латынина описывает эти закономерности. Например, что в настоящее время, если в стране низкий уровень культуры, всеобщие выборы с большой вероятностью приводят к фашизму, что в России выгодны насилие и нарушение законов, что современное государство и гуманитарные организации заинтересованы в перераспределении средств (от работающих к неработающим), заинтересованы в наличие большого процента безработных, беженцев и всяких люмпенов, что войны в настоящее время экономически невыгодны, что российская власть работает в направлении создания всеобщей госзависимости и т.д. и т.п. Все эти закономерности, по убеждению Латыниной, свидетельствуют о том, что российская социальность устроена неправильно и несправедливо.

Вторая логика совершенно другая, так сказать, субъективистская. Латынина предполагает, что люди эгоистичны, гребут под себя, обманывают других, сбиваются в кланы, захватывают власть, эксплуатируют, грабят, убивают. Причем именно эти мотивы

(а не встречающиеся иногда благородные намерения и поступки) и определяют общественно-политические процессы. Что собой представляет наша власть, чиновники, фэсбешники, менты? Это разбойники, воры, убийцы, паразиты, имитаторы, в лучшем случае, люди, обманывающие сами себя и не понимающие, что они на самом деле делают.

Каким образом, первая логика связана со второй? Мне кажется, что Латынина сама этого не понимает. То она пишет, что умный правитель типа Саакашвили может кардинально изменить общие тренды социальных процессов, то соглашается, что, увы, это невозможно, что в бедных странах с низкой культурой и мифами в голове у каждого второго реформатор обречен на поражение. С одной стороны, Латинина рисует апокалиптическую картину гибели страны именно в связи с испорченностью, эгоизмом и недомыслием людей, с другой – говорит о госзависимости, выгоде насилия, особенностях реформирования и других социальных закономерностях.

Теперь вторая концепция социальной справедливости, которую я назвал комформистской. Вернемся еще раз к рассуждениям Маркса. Да, конечно, капиталисты поступают жестоко, эксплуатируя рабочих, выжимая из них все соки, и в «Капитале» много страниц посвящено показу этого. Тем не менее, Маркс вынужден признать, что с точки зрения рыночных отношений, которые лежали в основании капитализма, они не нарушают законы, остаются, как сегодня говорят, в правовом поле. Другими словами, Маркс вроде бы не путает свое личное понимание социальной справедливости и социальное, капиталистическое. С точки зрения капиталистического общества, невидимая рука рынка, право, парламент и само общество рано или поздно должны привести к норме и взаимному благу взаимоотношения богатых и бедных, капиталистов и рабочих.

Однако Маркс не желает ждать, когда это произойдет и не верит в то, что это может произойти. Более того, он уверен, что частная собственность не даст этому произойти. Что единственный выход – «экспроприация экспроприаторов». Но ведь тогда получается, что социальная несправедливость – это особая абстрактная оценка, полученная с позиции определенных идеалов общества и человека (гуманистических, либеральных и пр.), а сами участники социального процесса могут к этому и не присоединяться. Другое дело, если присоединяются, но, как показала история, подобные убеждения, например, вера в порочную античеловеческую природу капитализма, могут вести к очень печальным социальным последствиям. Ведь на самом деле, как стало очевидным даже для социалистов, частная собственность была не причем, что без неё вообще в хозяйстве и экономике нельзя обойтись. Неверна была и убежденность Маркса в бессилие капиталистического общества и законов.

Но не сходно ли мыслит Латынина (люди должны выйти на улицу, необходимы радикальное сокращение чиновников и полиции, пересмотр их полномочий, изменение налоговых моделей, перестройка образования, медицинского и пенсионного обеспечения и т.д.) или наши реформаторы образования? Например, последние оправдывают свои реформы некомпетентностью и неэффективностью российских школ, университетов, педагогов и учителей (Неэффективность, правда, они оценивают по каким-то странным параметрам, ничего общего не имеющими с содержанием образования). Оправдывают они свои действия и ссылками на мировой западный опыт.

Однако можно ли считать всех чиновников от образования корыстными лжецами или думать, что перед нами заговор с целью разрушить российское образование (среди педагогического сообщества наиболее распространенные выражения настоящих реформ – «разгром» и «имитация»)? Думаю, все же нет. Многие из них искренне считают (часто, конечно, с подачи разработчиков Школы Высшей экономики, повернутой лицом на Запад), что только так можно повысить эффективность нашего образования, т.е. *укрупняя, сокращая, подавляя*.

Нет слов, наше образование в ряде школ и университетах выглядит предельно неэффективным. Например, как понять такой странный факт: заплатив за образование (первое или второе) иногда очень даже немалые деньги, многие студенты не учатся (пропускают занятия, приходят на зачеты или экзамены совершенно не подготовленные). Объяснить это просто «имитацией и фальсификацией», на мой взгляд, явно недостаточно. модернизируют исследовательский, образовательный процесс и т.д.»

Я много раз спрашивал своих студентов, почему они не учатся или учатся еле-еле. Ответы самые разные: семья, работа, очень устают и прочее. Понял одно: образование для моих студентов – лишь одна из областей жизнедеятельности человека, причем не самая главная, кроме того, они прекрасно понимают правила «социальной игры», когда педагог вынужден ставить студенту, даже, если он ничего не знает, удовлетворительную оценку.

Почему все же, на мой взгляд, неправильно говорить о неэффективности российского образования. Потому, что сначала нужно понять, с чем мы имеем дело. Как правило, все считают, что происходит деградация института образования: он разрушается, отсюда, и неэффективность и другие пороки. Однако исследования показывают другую картину. В организационных рамках традиционного института образования сегодня существуют три разных социальных институции: во-первых, традиционный институт, миссия которого *формирование образованного человек и специалиста* (кстати, в ряде регионах страны этот институт прекрасно работает), во-вторых, новый институт образования (назовем его «открытым, с ограниченной ответственностью»), предназначенный не столько готовить специалистов, сколько

предоставлять образовательные услуги с целью получения дипломов и других социальных символов (в том числе образовательных симулякров), в-третьих, тоже новый институт (назовем его «дополнительным»), дающий второе или третье образование, сюда же относится «бизнес-образование» и целый ряд новых форм образования.

Кто-то может сказать, что открытое образование с ограниченной ответственностью – это не образование, а безобразия. Ну, почему? В наше время по разным причинам (пенсионеры, безработные, домохозяйки, беженцы, больные, просто не желающие трудиться и пр.) постоянно растет число неработающих. В современной цивилизации многие миллионы неработающих и не меньше работающих не полный рабочий день или только эпизодически – не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по прежним меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир. Подобная ситуация стала возможной и даже необходимой, с одной стороны, поскольку действуют либерально-демократическое право и ценности, с другой – в силу эффективности современных технологий и производства (в будущем развитие робототехники сделает эту проблему еще более острой). Так вот для этой категории граждан (и не только для них) открытое образование и будет предоставлять нужные им образовательные услуги и практики. Например, в ряде стран образованная невеста с дипломом сегодня часто не менее востребованная вещь, чем специалист.

Но если в организационных рамках образования сосуществуют три разных социальных института, то можно ли, спрашивается, просто укрупнять и сокращать? Может быть, наоборот, нужно дифференцировать и создавать новые школы и университеты?

Вообще, как можно осмыслить сложившуюся ситуацию? Здесь возможны две разные позиции. Первая, речь идет о вопиющей социальной несправедливости, для которой характерны эгоизм и беззаконие. Вторая, складывается новый тип социальности, в рамках которого основные участники социального процесса потеряли ориентиры и понимание того, что происходит, и, что они делают. Думаю, что имеет место и то и другое.

Российские элиты, имея определенное мироощущение, по сути, воспроизводящее мироощущение советской элиты (партии большевиков, политбюро, КГБ), будучи предельно эгоистическими (в новом понимании, позволяющим присваивать народную собственность и распределять в свою пользу бюджет государства), способствовали тому, что российская экономика и хозяйство стали специализироваться на добыче сырья

(нефть, газ, лес, металл), многие отрасли промышленности были свернуты, товары народного потребления импортируются из за рубежа, распределение средств, льгот и благ происходит в пользу властных элит. Для современного эгоизма характерно то, что его представители уверены, что они самые обычные люди, не эгоисты, а часто даже альтруисты, работающие на общее благо. Сотрудники международных корпораций, эксплуатирующих местное население, не сомневаются, что их корпорации, конечно же, для этого населения благо, поскольку дают работу и несут цивилизацию. Российские власти, попирающие права своих граждан и берущие взятки, считают, что только так и можно управлять нашим темным населением и жадным бизнесом, что все это на пользу обществу.

Здесь, правда, встает очень непростой теоретический вопрос, а можно ли говорить об эгоизме применительно к таким социальным образованиям как элита, власть, властное сообщество (например, в сфере образования)? Являются ли эти социальные образования *субъектами, обладающими сознанием и целеполаганием*? Можно ли, скажем, считать сообщество, сформированное Путиным и Медведевым и российскими обычаями, и предназначенное для реформирования образования, целостным и адекватным, если большинство его членов заявляют публично противоположное своим реальным действиям, которые к тому же, как правило, имеют двойное дно?

Но даже, если российские элиты и властные сообщества сформированы как самостоятельные субъекты социального действия (что сомнительно), а нам очень хочется видеть источник наших проблем и бед в их эгоизме и социальной несправедливости, все же стоит различать два разных уровня социального действия – «личностный», относящийся к нашим собственным решениям, где мы можем в определенной степени контролировать свои действия и их результат, и «социальный», когда речь идет о действиях и отношениях, направленных на различные социальные образования типа социальные институты, власть, общество и пр. Дело в том, что такие социальные образования, образующие в целом то, что можно назвать «социальностью», хотя и включают в себя наши собственные действия и действия других людей, кстати, не совпадающих с нашими, они, тем не менее, являются *естественными образованиями типа социальных форм жизни или социальных организмов*. У таких форм жизни и социальных организмов свои процессы, траектории и циклы. Может быть, нам и хотелось бы заставить развиваться их в желательном для нас направлении (например, чтобы снижалась социальная несправедливость), однако, это от нас не зависит, наши силы не соизмеримы с силами и факторами, определяющими становление и развитие этих форм жизни и социальных организмов.

Посмотрим на ситуацию, которую разбирал Маркс, с точки зрения современного экономического кризиса. Тогда она выглядит следующим образом. Капиталисты

изобрели социальную технологию, позволяющую получать сверхприбыль. Рабочие противопоставили этой технологии забастовки, критику капитализма, политические действия, кстати, тоже представляющие собой социальное изобретение и технологию. В результате не сразу, но, тем не менее, обе стороны социального конфликта пошли на компромисс (который опять же предполагал новые социальные технологии), и было достигнуто относительно мирное сосуществование.

Нельзя ли и на современную ситуацию посмотреть сходным образом? Новый эгоизм, конечно, налицо. Но можно ли в этом обвинять современную личность или властную элиту? Поступает ли, например, чиновник несправедливо, когда он занимается «рентостроительством», т.е. изобретением схем и созданием условий, позволяющих извлекать из своего места доход? Он изобрел и реализует новую социальную технологию, позволяющую ему увеличить свою власть и благосостояние. С точки зрения абстрактных этических принципов и, заметим, отчасти, трудового соглашения, он, конечно, поступает нехорошо. Но с точки зрения возникших возможностей и опять же отчасти существующих законов, он остается в правовом поле. Право чиновника как человека, не нарушая законов, расширять свои возможности и благосостояние (Как обычный человек я, конечно, на стороне Латыниной и меня возмущает, если не больше, поведение нашей власти и бюрократов. Но как ученый и философ я должен следовать за дискурсом, спокойно смотря на то, что проявляется в результате анализа. Однако, как человек действия и определенных идеалов я дальше, поняв реальность, могу обдумывать свои действия, направленные на изменения сложившейся ситуации. Но опять же анализируя их последствия). Право граждан, поставившего чиновника на службу обществу (правда, поставившего опосредованно, через выборы и государство), требовать от него, не рентостроительство, а добросовестное выполнение своих функций. Если на социальном поле всего два субъекта, то явно конфликт.

Но вспомним то, что не учитывал и отчасти не признавал Маркс – *культуру, общество и сообщества, личность*. Культура как соотношение традиции и новаторства создает условия для тех или иных действий и изменений. Например, российская традиция веками «ставившая чиновника на кормление» не способствует борьбе с рентостроительством; та же традиция как новаторство и следование Европе иногда ведет к расправе с рентостроителями. Общество в целом заинтересовано в борьбе с рентостроительством, но отдельные сообщества часто нет. Например, наша властная элита и бюрократия (чиновники) не только не хотят бороться с рентостроительством, но напротив, широко его практикуют. Что касается личности, здесь, что ни индивид, то свое решение.

3. Ведущий тип социальности

Вернемся к размышлениям Латыниной. В ряде своих публикациях она обсуждает следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций. С точки зрения Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства.

Еще Латынина старается показать, что многие чиновники международных гуманитарных организаций и правозащитники, хотя субъективно считают себя работающими на благо общества и человека, на самом деле служат противоположным целям. Скажем, может ли Палестинская автономия прожить без гуманитарной помощи? Нет и нет. Но эта помощь, показывает Латынина, позволяет миллионам арабов уже много лет жить и размножаться, не работая. Причем в такой помощи заинтересованы не только палестинцы, но и сами международные гуманитарные организации, сотрудники которых неплохо зарабатывают. Понимают они это или нет, но объективно чиновники гуманитарных организаций, число которых постоянно растет, поступают эгоистически. Однако на пособия живут, не работая, не только многочисленные беженцы, осевшие на чужих территориях в результате войн. Известно, что пособия составляют значительную долю бюджета и безработных, которых, возможно, в мире даже больше беженцев.

В статье, посвященной жизненному пути и деятельности Сола Алинского, инициировавшего в том числе создание ACORN (первоначальное название The Arkansas of Community Organizations for Reform Now сменилось впоследствии на The Association of Community Organizations for Reform Now), ассоциации, которая вместе с демократами привела к власти Абаму, Ирина Жешко пишет следующее. «В конце концов, предвыборная платформа была написана узким кругом организаторов на основе их собственной идеологии. Чтобы успокоить общественное мнение, напуганное агрессивной платформой ACORN, один из ее лидеров определил цель своей организации следующим образом: “Мы не стараемся захватить власть или богатство. Истеблишмент также имеет право на них. Однако мы хотим иметь в них нашу **справедливую долю** (fair share)”. Основатель ACORN Вейд Ратке в разговоре с единомышленником ответил на вопрос о целях и идеологии ACORN еще прямее: “помогать людям с низким и скромным доходом получить то, что им по праву принадлежит”. На вопрос, что же им по праву принадлежит, он ответил с улыбкой: “Все!” <...>

Пятьдесят лет спустя после первого эксперимента в Чикаго, в 1983 году Обама примет решение стать community organizer. Он повторит основные вехи жизненного пути Алинского и пойдет дальше его: из академической сферы – в гетто, а затем в политику.

Однако с самого начала у них была разная мотивация. Алинский стремился помочь людям соорганизоваться для решения своих проблем с опорой на собственные силы. Обама пришел в сложившееся движение, которое было готово привести его в большую политику, с тем, чтобы кардинально изменить строй американского общества<...>

Алинский не верил в государственные программы, “welfare colonialism” и строил свои организации как альтернативный метод решения проблемы бедности, однако в современной Америке именно государственные программы стали основным орудием в решении проблемы бедности. Уже в первый срок правления Обамы его администрация побила рекорд по удельному весу населения во всевозможных программах помощи: уже половина населения Америки получает те или иные государственные пособия. Второй срок обещает существенное увеличение масштаба государственной помощи за счет включения нелегальных иммигрантов в социальные программы» [21].

Теперь правозащитники. Они, пишет Латынина, бросаются защищать всех, кто, с их точки зрения, подвергается преследованию государства или насилию со стороны более сильного (как, например, арабы со стороны Израиля). При этом часто правозащитники защищают настоящих преступников, а последние этим пользуются, выдавая себя за жертвы. Рассмотренные здесь случаи – примеры нового эгоизма, в разных обликах широко распространяющегося в современном мире. И конечно, такое положение дел, с точки зрения, Латыниной, – явная социальная несправедливость.

Я же склоняюсь к мысли, что дело здесь не в социальной несправедливости, а устройстве социальности. Что же для неё в настоящее время характерно? Новый эгоизм, конечно, налицо, но он не вечен. История показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII-XVIII вв., и не путем построения демократических институтов (XIX-XX вв.), а *посредством переговоров, расчетов и компромиссов.*

Может быть, наши властные элиты и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов в настоящее время разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют: эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки отдельной личности, наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее). В результате и

устанавливается то, что я называю «ведущим типом социальности», как характерной чертой социальности нашего времени.

При этом, вероятно, понятно, что поскольку на разных «социальных площадках» действуют и конфликтуют различные социальные субъекты, установленные балансы и противодействия разных сил отражают эти уникальные ситуации и конфигурации. Другими словами, ведущий тип социальности демонстрирует множество разных уникальных конфигураций и структур. В наш динамичный век подключение к социальному взаимодействию новых субъектов или изменение социальных условий приводит к тому, что данные конфигурации и структуры неустойчивы и живут относительно ограниченное время. Это начинают понимать даже защитники либерализма.

«Быть и стать самим собой, – пишет С.Бенхабиб, – значит включить себя в сети обсуждения<...> Мультикультурализм слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный<...> Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни<...> Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна<...> Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости» [22].

Стоит отметить еще один важный аспект нового ведущего типа социальности, который, несомненно, нужно учитывать при обсуждении современного образования. Я не случайно взял для анализа ситуацию, которую обсуждает Латынина. В современной цивилизации многие миллионы неработающих (безработных, беженцев, больных, просто не желающих трудиться) и не меньше работающих не полный рабочий день или только эпизодически – не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по прежним меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир.

Подобная ситуация стала возможной и даже необходимой в силу эффективности современных технологий и производства; в будущем развитие робототехники сделает эту

проблему еще более острой. В относительно близкой перспективе для производства товаров и питания нужно будет все меньше специалистов, их с успехом заменят машины, автоматические линии и роботы.

Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры, благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг (назовем подобные сообщества «иницирующими»). Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Опять же это стало возможным не только потому, что у людей появилось много свободного времени и приходят свободные средства, но и потому, что государство неудовлетворительно выполняет свои функции, а граждане видят свое назначение в работе на благо общества, в помощи тем, кто нуждается. Понятно, что неработающие или работающие частично будут пополнять ряды перечисленных выше иницирующих сообществ.

Итак, для ведущего типа социальности характерны *определенные формы осознания действительности* (формы «социальной концептуализации»), а именно *либерально-демократические* (право, гуманизм и т.д.), *стремление к социальному миру* (как утверждает Латынина, в настоящее время война экономически невыгодна), *возможность государства перераспределять доходы* (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), *заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном распределении* (государственные институты, гуманитарные и правозащитные организации и т.п.), *вменение общественности нужных ценностей и видения* (СМИ, пиар, реклама).

4. Что дальше?

Налицо кризис сложившейся социальности и становление новой формы социальности. Концептуализация последней, с точки зрения ценностей личности, придерживающейся либеральных и гуманистических взглядов, выливается в ощущение социальной несправедливости. С культурологической точки зрения, как я показываю в своих работах, социальность может быть понята не только исторически и семиотически, но и как особая форма жизни – собственно социальная. Что характерно для социальной жизни? По меньшей мере, два момента. Во-первых, взаимодействие разных социальных сил и структур, в число которых входят и представления людей (в том числе о

социальной справедливости и несправедливости). Во-вторых, особая организация (организованность) этого взаимодействия, осознаваемая как органичность, жизнь и пр.; эта организация на разных этапах обеспечивает становление, функционирование, воспроизводство и умирание социальности.

Анализ истории построения в нашей стране социализма показывает, что, если концепции социальной несправедливости и определенные способы её преодоления, овладевают массами, конечно, не без помощи пропагандистов разного рода, то может сложиться такая организация социальности, которая рано или поздно разрушает социум и саму жизнь. При этом подобные концепции нельзя считать неестественными, неорганичными. Например, для своего времени и условий российской жизни идеи марксизма были вполне органичны для определенных слоев и популяций (социал-демократов большевиков, рабочих, маргиналов разного рода). Эти идеи и сегодня популярны среди многих россиян. Борьба большевиков за власть, отсутствие моральных ограничений, повышенная пассионарность и ряд других причин привели к становлению особой организованности социальности – социалистической. Лишь после того, как были осознаны катастрофические последствия такой организации жизни – гибель десятков миллионов в лагерях и во время войны, бедность и скудность жизни остальных, атмосфера всеобщего страха, проигрыш соревнования с капитализмом, распад СССР – идеи социализма и марксизма вполне успешно бытовали. И так каждый раз, пока не обнаружатся, не будут осознаны негативные или катастрофические последствия сложившейся социальности, идеи и концепции, которые легли в её основание, продолжают жить.

В настоящее время складывается новая организация социальности, но формы концептуализации старые. Они не позволяют не только осмысленно работать на становление новой социальности, но и анализировать возможные последствия происходящих изменений. К чему, например, может привести перераспределение от работающих к неработающим; чем чревата относительно благополучная жизнь на пособия или без работы; где границы социальных компромиссов; на все ли изменения, связанные с процессами глобализации, стоит идти; можно ли жить только на основе прагматических, рациональных соображений без высших идеалов и нравственности? На эти и много других вопросов и проблем, к сожалению, сегодня нет ответов, и они почти не обсуждаются.

Вряд ли стоит заикливаться на проблеме социальной несправедливости. Более важно понять, как устроена социальность, каковы характерные для неё тренды развития, можно ли прогнозировать последствия, проистекающие из становления и функционирования новой социальности. Это есть одно из условий правильной жизни и реалистического социального действия.

Список литературы

1. Этика Аристотеля. Спб. 1908. стр. 89-90.
2. Там же. С. 83-84.
3. *Аристотель*. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 410.
4. Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима». М., 1938. С. 44-45.
5. Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск. 1997. С. 77.
6. *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 164.
7. Там же. С. 170.
8. Там же. С. 172.
9. Там же. С. 177-178.
10. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. М., 1993. Стр. 15.
11. Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы. 2000. С. 241.
12. Лукашева Е.А. Выступление на Круглом столе // «Государство и право», 2002, N 1, С. 24.
13. Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход. С. 248-249
14. Там же. С. 316, 276.
15. Платон. Законы. Соч. в 4-х т. Т.4. М., 1994. Стр. 381/
16. Маркс К. Капитал. Т. 2. Издание восьмое. М., 1935. Стр. XII-XVI.
17. Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1978. Стр. 10.
18. Там же. Стр. 772, 773.
19. Там же. Стр. 246.
20. Латынина Ю. «Код доступа» // «Эхо Москвы» от 08.12.2012.
21. Браун (Жешко) И. Модель организации Сола Алинского // *Философия управления: проблемы и проекты.* (в печати).
22. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. С. 17, 19, 43, 122.